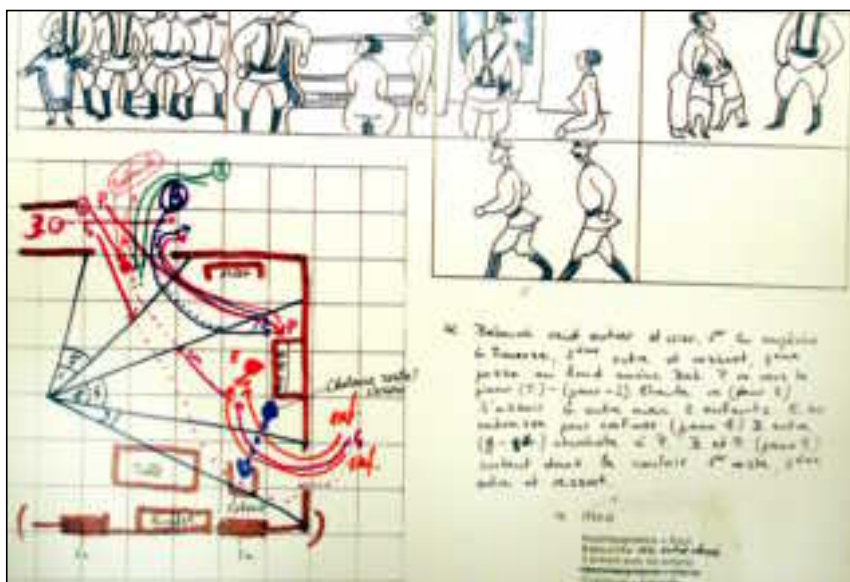

КЛАССИК КИНЕМАТОГРАФА –

В столичной галерее «Дом Нащокина» проходит выставка Отара Иоселиани

74-ЛЕТНИЙ кинорежиссер уже и сам не знает, какой стране и какому времени он принадлежит: Советскому Союзу, Грузии или Франции, в которой живет уже не один десяток лет.

Когда-то, когда перемены в пространстве СССР только начали проявляться, он предпочел спокойную жизнь во Франции. Спокойной она оказалась по нескольким причинам: во-первых, это буржуазная страна, далекая от реформ, тем более экономических. А во-вторых, Франция как-то сразу приняла Отара Давидовича – в отличие от многих деятелей культуры, отдавших предпочтение Западу: то ли его хороший французский сказался, то ли настоящее искусство уроженца СССР этой стране пришлось по душе. Впрочем, Отар Иоселиани не превозносит Францию – на вопрос моего коллеги о том, как живется, а главное, творится в этой стране, ответил:

– Мои коллеги из бывшего СССР говорят, что им тут плохо работать. Во Франции тоже нелегко: раньше в СССР была идеологическая цензура, а на Западе есть цензура финансовая – она и в России сейчас установила свою власть. Продюсеры хотят, чтобы на их фильмы шли люди. Название придумали – «авторское кино», полупрезрительное по отношению к тем, кто им занимается. Я считаю, что бывает или кино, или халтура. Кинопродукция по схемам Голливуда, на прокат и на публику, – наверное, все-таки это не кино, а такие... поделки. Кино может быть только авторским и никаким другим. В Голливуде тоже сначала снимали приличные картины – те же «Унесенные ветром». А потом выяснилось, что в кинотеатры ходят мещане или совсем молодые люди, которым подавай мифы и романтику. Вот их и обслуживают. А тем, кто не ходит в кино, подсунили телевидение, чтобы мы, уставшие с работы, плюхались в кресло и засыпали под всякую дребедень.

И проблемы, считает художник, во всех странах одинаковы:

– Вы сами не видите, что происходит? Люди везде совершают плохие поступки. Иногда их мучает совесть, иногда нет, но они продолжают халтурить, воровать, напиваться. И не думают о том, что все прекратится в один день. В России это чувствуется особенно остро, потому что она вступила в стадию, как говорится, дикого капитализма. Но снимаю я во всех странах – и во Франции тоже, чтобы показать, что везде одно и то же. Чтобы не было ощущения, будто только в России беда.

